

Хронотопичность в текстах Е. Водолазкина: от «Лавра» до «Брисбена»

Chronotopical Aspect of E. Vodolazkin's Texts: from "Laurus" to "Brisbane"

VERONIKA RAZUMOVSKAYA, *Siberian Federal University*
veronica_raz@hotmail.com

YULIA VALKOVA, *Financial University under the Government of the Russian Federation*
julyvalkova@gmail.com

Received: July, 24 2021.

Accepted: December, 31 2021.

АННОТАЦИЯ

Статья обращается к важнейшим и универсальным для человека параметрам, формам существования и координации объектов и, соответственно, философским понятиям времени и пространства, единство которых в сложном и многомерном континууме художественного текста формирует гетерогенную поэтическую единицу, определяемую вслед за М. Бахтиным как хронотоп. Материалом исследования послужили тексты произведений современного российского писателя Е. Водолазкина и, прежде всего, его романы «Лавр» и «Брисбен», получившие наибольшую известность в России и в зарубежных странах. В предпринятом исследовании хронотопы анализируются с учетом авторской хронотопической системы художественного мира рассматриваемых художественных текстов, что манифестируется через уникальный язык (идиостиль) писателя. Доказывается ключевая роль хронотопа в организации художественной структуры текстов, а также в реализации авторской концепции. Отмечается корреляция культурной информации и памяти и основных хронотопических характеристик произведений Водолазкина. Поддерживается и развивается плодотворная гипотеза существования гиперхронотопа – хронотопа родового уровня, формируемого набором гипохронотов видового уровня. В исследуемом материале к категории «классического» гиперхронотопа отнесен хронотоп «город», который анализируется в тесной взаимосвязи с гипохронотопом Брисбена – города, ставшим городом мечты и возможного счастья. Особое внимание в статье уделено хронотопу вечности, который неотделим от важных тем времени и вневремени, места («здесь», «везде» и «нигде»), что определяет нарративный рисунок текстов Водолазкина и регулярно представлен в творчестве писателя. Результаты анализа позволяют считать, что хронотопы автора тяготеют к мифотворчеству, а используемые в произведениях хронотопические образы способствуют раскрытию образов героев Водолазкина.

Ключевые слова: временные маркеры, пространственные маркеры, гиперхронотоп, гипохронотоп, культурная память.

ABSTRACT

The article deals with the most important and universal parameters, forms of existence and coordination of objects and, accordingly, philosophical notions of time and space, whose unity creates a heterogeneous poetic element in a complex and multidimensional continuum of an artistic text, the element which M. Bakhtin defined as a chronotope. The material of the research is the texts of the modern Russian writer E. Vodolazkin, and, first of all, his novels "Laurus" and "Brisbane", which have received the greatest popularity in Russia and in foreign countries. In the undertaken research chronotopes are analyzed taking into account author's chronotopical system of imagery of the considered literary texts, which is manifested through the unique language (idiostyle) of the writer. The article proves the key role of chronotope in the organization of artistic structure of the texts, as well as in the realisation of the author's concept. The correlation of cultural information and memory and the main chronotopical characteristics of Vodolazkin's works are examined. There was made a fruitful hypothesis of hyperchronotope existence, i.e. chronotope of generic level, formed by a set of hypochronotopes of lower level. In the material under study the category of the "classical" hyperchronotope includes the chronotope of the city, which is analyzed in close

connection with the hypochronotope of Brisbane – the city which became the city of dreams and possible happiness. The article pays special attention to the chronotope of eternity, which is inseparable from the important themes of time, timelessness, and place – locus (“here”, “everywhere” and “nowhere”), which determines the narrative pattern of Vodolazkin’s texts being regularly represented in his works. The results of the analysis allow us to believe that the author’s chronotopes gravitate towards myth-making, and the chronotopical images used in the works contribute to greater embodying of the Vodolazkin’s characters.

Keywords: time markers, spatial markers, hyperchronotope, hypochronotope, cultural memory.

Начиная с М. Бахтина, заложившего традицию использования понятия хронотопа в гуманитарных науках, и, прежде всего, в поэтике и теории литературы, хронотоп стремительно стал одной из центральных категорией указанных областей знаний, а также эффективным средством филологического анализа текста. Использование в предметном поле филологии понятия хронотопа, впервые введенного в научный дискурс физиологом А. Ухтомским (как развитие идеи пространственно-временного континуума математика Г. Минковского) для обозначения единства (цельности) временных и пространственных отношений в поведении человека, отражает онтологическую сущность творчества, отвечая очевидной тенденции к унификации научных знаний, стремлению к эпистемологическому универсализму. В работах М. Бахтина хронотоп получил новое (филологическое) осмысление, а предложенное им определение не утратило своей актуальности и сегодня: «... в литературно-художественном хронотопе имеет место слияние пространственных и временных примет в осмысленном и конкретном целом. Время здесь сгущается, уплотняется, становится художественно-зримым; пространство же интенсифицируется, втягивается в движение времени, сюжета, истории. Приметы времени раскрываются в пространстве, и пространство осмысливается и измеряется временем» (Бахтин, 1975: 235). Данное известное определение хронотопа отражает идею равноправного и действенного соединения в художественном тексте параметров времени и пространства, которые тесно взаимодействуют, определяя и интерпретируя признаки и функции друг друга. Результатом синергетического слияния указанных параметров становится гетерогенная информационная единица – хронотоп. Можно утверждать, что в континууме литературного текста время и пространство образуют нарративные координаты, формируя жесткую конструкцию (нарративную решетку), что находит отражение в жанровой принадлежности и нарративном рисунке художественного текста. В данном контексте особое значение приобретает плодотворная бахтинская идея о том, что хронотоп играет важнейшую роль в создании художественного произведения. Вслед за автором новой теории европейского романа можно утверждать, что хронотоп является структурным законом жанра, в соответствии с которым реальное время-пространство трансформируется в художественное время-пространство. В художественном произведении именно через хронотоп представлены направляющие координаты развития сюжетных линий, что позволяет определить основные функции хронотопа как жанрообразующую и сюжетообразующую.

Интересный материал для анализа хронотопа как гетерогенной информационной единицы, а также амбивалентной эстетической категории художественного текста и художественной литературы, представляют тексты Е. Водолазкина – яркого

представителя современной русской литературы, о чем свидетельствует международная конференция «Знаковые имена современной русской литературы», проведенная в мае 2018 года в Ягеллонском университете и посвященная анализу творчества автора в различных аспектах.

Обращаясь к современному литературному процессу, исследователи считают, что творчество Водолазкина, наряду с произведениями М. Шишкина, принадлежит к течению новой сентиментальности (Прохорова, 2019). Выдвижение искренности в качестве основного мотива, стремление вернуться к важнейшим гуманистическим и экзистенциальным темам определяют интерес читателей и критиков к художественному творчеству писателя. Посредством представленных в текстах Водолазкина хронотопов описываемые события приобретают особую важность и значение, локализуясь на определенном «перекрестке» прошлого, настоящего и будущего и обретая свое особое место в системе координат времени и пространства. Материалом данного исследования, прежде всего, стал один из последних романов автора – «Брисбен», вышедший в свет в конце 2018 года и ставший в 2019 году победителем Национального конкурса «Книга года» в номинации «Проза года». Наряду с «Брисбеном» в статье также рассматриваются хронотопы более ранних романов писателя, что позволяет говорить об авторской хронотопической системе и особенностях ее структуры и элементов.

В текстах Водолазкина хронотопу принадлежит доминирующая роль, что напрямую определяет их жанровое своеобразие, жанровую особенность и узнаваемость. В изображении традиционной для творчества писателя ситуации выпадения главного героя из исторического времени («Лавр», «Авиатор») жанр научной фантастики в значительной степени трансформируется, тесно соединяясь с историческим жанром летописи и приобретая контаминированную природу. При этом отметим, что если фантастика – это, прежде всего, воображаемый мир будущего, то летопись – это, бесспорно, мир прошлого. Поэтому настоящее время у Водолазкина помещено на пересечении будущего и прошлого, но это особое настоящее, настоящее вне времени и, соответственно, вне истории. Будучи филологом-медиевистом, автор хорошо знаком с жанром летописи, что и повлияло на выбор указанного жанра контаминированной природы для художественных произведений. Профессия находит отражение в творчестве писателя также и в том, что, прибегая к лингвокреации, он нередко эксплицирует при этом свой метаязык, обыгрывая известные филологические термины. Так, в контексте рассматриваемой хронотопической проблематики интересно использование терминологической единицы «хронотоп». В романе «Авиатор» автор обращается к ситуации внаходимости героя, его выхода за пределы своего времени и пространства. Для характеристики ситуации создается авторский неологизм «хронотоплес», образованный добавлением английского суффикса «less» (в транскрибированной форме) к ключевому термину «хронотоп». Таким образом, у Водолазкина единица «хронотоп» обретает парный антоним, отсутствующий в языковом узусе, который на контрасте раскрывает смысл оригинального термина Бахтина и отражает особое положение героя относительно времени и пространства (если быть более точным, то его нахождение вне времени и пространства). В данном случае читатели произведения становятся свидетелями «гамлетовского» выпадения

героя из его исторической ситуации, временного контекста, а также совершение им пространственного скачка. Не вызывает сомнения, что к Иннокентию (герою «Авиатора») в полной мере применима широко известная цитата У. Шекспира: «Век вывихнут. Век расшатался. Распалась связь времен». Именно распад (нарушение) временной последовательности, скачок во времени (и пространстве) играют сюжетообразующую роль и определяют нарративный рисунок романа.

Анализ творчества Водолазкина показывает, что авторская интерпретация хронотопа, на которую в значительной степени повлияло профессиональное знание древнерусской литературы и истории, приводит к пересмотру и существенному изменению причинно-следственных связей в художественных текстах: «Автору свойственен морально-этический взгляд на историю, где причиной исторических катаклизмов является иррациональная темная сторона человеческой природы, внутреннее зло, а не исторические предпосылки, что сближает интерпретацию исторического процесса с традициями древнерусских летописцев. Разрыв во времени, исторический надлом прежде всего связаны с греховной природой человека» (Бочкина, 2017: 91-92). Таким образом, Водолазкин считает, что все зависит от самого человека, от его поступков и моральных качеств, а не от различных обстоятельств и событий его жизни. Писатель не только создает стилистически достоверное изображение эпохи (хотя нередко с ироничными вкраплениями анахронизмов и эклектики), но и рассматривает исторический континуум таким образом, что «первенство принадлежит человеку, история – та рама, в которую личность вписывает свой портрет» (Гримова, 2015: 61). Для понимания произведений автора крайне важно, что у Водолазкина человек спасает именно себя, свою душу и свои моральные принципы, а не временной и пространственный контекст своего бытования.

Автор подчеркивает неоспоримое первенство человека, его главенство над временем регулярной экспликацией идеи о неисторичности своих текстов. Примечательно, что в «Лавре» указание на неисторичность повествования было отражено непосредственно в подзаголовке романа – «неисторический роман». Отстаивая идею о том, что времени нет, писатель «создает неисторический континуум истории спасения» (Маглий, 2016а: 19). Таким образом, герои Водолазкина одновременно живут и в истории (в своем историческом времени), и вне истории (вне времени, во вневремяе). В большинстве используемых в романах сюжетов герои Водолазкина обречены, а действие нередко доводится автором до смерти протагониста. При этом убедительно утверждается и демонстрируется, что спасение души, веры, любви и искусства может происходить (и происходит) и на фоне угасания героев. Неслучайно для героини романа «Авиатор» автором выбрано имя Анастасия («воскресшая, бессмертная»), а в повествовании «Брисбена» последовательно появляются Анна (в иудейской традиции «милость Божья»), Катарина («чистая») и Вера. Имена собственные с выраженным коннотативным компонентом используются и в романе «Соловьев и Ларионов»: «Настоящее повествование вообще склонно делать акцент на разнообразных сходствах и совпадениях, поскольку во всяком подобии есть свой смысл: оно открывает иное измерение, намекает на истинную перспективу, без которой взгляд непременно уперся бы в стену» (Водолазкин, 2014: 20). Бесспорно, что далеко не все имена героев являются говорящими, коннотационно нагруженными, но они всегда пропускают

через себя эпоху, целый пласт времени – времени исторического и личного времени героев (ср. четыре имени героя романа «Лавр»). У Водолазкина особое отношение со своими героями и у них особая миссия. Так, сам автор определяет отношение со своими героями, читателями и особенности повествования романа «Брисбен» следующим образом: «...все мои герои в той или иной степени устроены так, что они не столько влияют на мир, сколько впитывают его, и он проходит сквозь них. Этим вызваны мои особые отношения с читателем: я никогда не давяю на него, не проповедую. <...> Вот здесь <в романе «Брисбен»> у меня два стиля: один – записки самого героя – такой средне-литературный, а другой – повествование писателя Нестора – сдержанный, даже слегка деревянный. Хотя бы потому, что в этой части повествования много смешных и анекдотичных вещей. А когда о смешном начинаешь рассказывать смешным языком – это плохо. О смешном надо рассказывать с серьезным лицом и без особых понтов» (Зеркалева, 2018).

Таким образом, у Водолазкина жанр научной фантастики достаточно неожиданно (но, бесспорно, гармонично) сочетается с летописью – историческим повествовательным жанром (и объектом научных исследований автора-филолога). Жанровый симбиоз (контаминация) представлен не только в самом известном романе Водолазкина («Лавр», 2012), но также и в рассматриваемом в данной статье новом романе «Брисбен» (2018), где уже в начале повествования появляется герой с особой миссией – современный Нестор, что создает очевидную аллюзию на «Повесть временных лет» и ее наиболее известного автора – Нестора Летописца; как будто до появления того, кто может зафиксировать события, ничего и не происходило (или не могло быть записано).

«Брисбен» строится с ориентацией на пространственно-временные координаты, которые задают основные измерения описываемых событий и, соответственно, определяют нарративный рисунок повествования. Первое измерение – юность главного героя (прошлое), второе – современные события его жизни (настоящее). Текст организован в форме дневниковых записей, что сближает рассматриваемое произведение с романами «Авиатор» и «Лавр» при некоторых очевидных отличиях: если в «Авиаторе» представлены дневниковые записи нескольких героев, то в «Брисбене» автором становится отстраненный наблюдатель. Именно Нестор беспристрастно запечатлевает события прошлого главного героя «Брисбена» и переносит читателя в 1970-80-е годы. Он как будто не записывает со слов героя рассказы о его прошлом, а является непосредственным свидетелем описываемого им времени и событий, что, бесспорно, соответствует принципу условности античного театра (очередная отсылка к прошлому). М. Кучерская отмечает: «Описание жизни людей здесь сводится к фиксации разговоров, иногда чувств, но только называнию их, без разъятия на оттенки. Водолазкин пишет живыми картинами – так, будто не было века русской психологической прозы» (Кучерская, 2018).

Эстетическую нагрузку фактора времени в произведениях Водолазкина трудно переоценить. Обращение к теме времени и ситуациям преодоления его границ героями позволяет сформулировать ряд «темпоральных» особенностей художественных текстов авторов: 1) восприятие прошлого как определяющего настоящее; 2) наличие двух планов – земной жизни и божественной вечности; 3) актуализация

таких характерных для архаического, доисторического мышления категорий, как вневременность и внеисторизм (Маглий, 2016b: 391). При этом время в произведениях Водолазкина несюжетно. Главную роль у автора играет не время описываемого действия, а его субъект. В терминах семантического синтаксиса можно отметить, что в семантической ситуации, представленной предикатом, актантами (прежде всего, агенсом) и различными сирконстантами, сирконстанты времени (темпоратив) и места (локатив) не являются ведущими. Об этом свидетельствует регулярное использование автором в повествованиях анахронизмов или единиц, номинирующих объекты из «другого» времени. Как следствие, через ошибочное отнесение событий или явлений одной эпохи к другой происходит слом хронологической последовательности повествования. Ярким примером служит использование в «Лавре» иронично-остраняющего комментария о смене времен года: весной в средневековом лесу из-под снега появляются пластиковые бутылки. Именно появление бутылок сигнализирует о сломе временной последовательности, о некоей временной воронке, выбросившей в отрезок времени прошлого предметы, которые в нем никогда не могли и не должны быть. Другим важным сигналом временного слома является то, что средневековый герой данного романа видит то, что он видеть никак не может: после реставрации на шпиле Петропавловского собора крепят ангела с крестом с помощью вертолета. В «Соловьеве и Ларионове» автор текста играет с читателем в псевдоисторичность, используя многочисленные ссылки на несуществующие источники.

При анализе временных маркеров в текстах Водолазкина, необходимо учитывать, что время как мера длительности существования – это гиперкатегория, в которой представлены гипокатегории хроноса и кайроса. Хронос предполагает последовательный, календарный ход времени и является однонаправленным линейным процессом, отражающим количественный аспект времени. Кайрос – это тоже время, но его сущность значительно (качественно) отличается от хроноса. Это «время-теперь», в определенном смысле чрезвычайное время или даже миг вне времени. Кайрос – важное экзистенциональное время, нередко неопределенный период времени, когда в жизни человека происходит что-то важное, судьбоносное, особенное. В кайротический момент (и период) свершается предопределенное событие, божественный промысел; в этот момент вечное встречается с временным, преображая его и доминируя над ним. В отличие от хроноса, кайрос предполагает качественный аспект времени. Время и его виды является универсальной философской категорией, которая актуализируется во всех областях жизни и деятельности человека.

В соответствии с замыслом автора реальное время в литературном пространстве (время жизненной или первичной реальности) трансформируется в художественное время описываемых событий (время вторичной, условной реальности). Время вымышленной реальности, отраженной и изображенной в тексте литературы, – это время героев художественной действительности, связанное с ними и воспринимаемое как ими, так и читателями текста. Как и реальное время, художественное время может быть хроносом, кайросом, или их комбинацией. Особенности сюжета и нарративный рисунок произведений Водолазкина позволяют утверждать, что жизнь его героев нередко протекает не во времени-хроносе, а во времени-кайросе. Именно кайрос является доминирующим художественным временем у писателя и обеспечивает

возможность свободного передвижения литературных персонажей во времени, случаи их выпадения из календарного времени. Принимая во внимание разграничение хроноса и кайроса, можно предположить, что хронотоп у Водолазкина часто становится «кайротопом» – информационной единицей художественного текста, в котором представлено особое время.

Для понимания творчества Водолазкина также крайне важно, что время и история в его текстах находятся в непересекающихся плоскостях, поскольку «движение истории определяется устремленностью к Богу» (Махилина, Сидорова, 2016: 271, 274). Так, отец главного героя «Брисбена» Федор говорит: «Чим ця історія скінчиться, одному Богу відомо» (Водолазкин, 2019: 337). В контексте вышесказанного отметим, что временные маркеры традиционно отсылают читателей текстов Водолазкина к псевдоисторическому времени. Основной вектор художественного повествования указывает на устремление героев к вечности и, соответственно, к Богу. Данная нарративная константа определяет следующую особенность текстов Водолазкина: историческая достоверность описываемых событий и точность указываемых примет времени не являются необходимыми. Также отметим, что при регулярном отсутствии пересечения, время и история демонстрируют следующее важное для нарративного рисунка произведений сходство: время и история не определяют человека, а человек определяет своё время и историю.

В произведениях Водолазкина последовательно отстаивается идея, которая легла в основу авторской концепции времени: как такового времени не существует, происходящие события, связь которых хронологически не детерминирована, всегда предопределены. Автор связывает понимание и осознание времени с идеями преходящести и бренности жизни, а также со стремлением человека к вечности: «Водолазкин, являясь учеником Д. Лихачева, основывается на идее временной разомкнутости. Человек, преодолевая собственную ограниченность моментом, реализует свое стремление к времени вечности» (Шуринова, 2016: 102). У писателя временность трансформируется и переходит в вечность. Так, во время церковной службы герой «Брисбена» Яновский чувствует свое освобождение от смерти, а боль уставших от долгого стояния ног становится физическим свидетельством его движения в вечность (Водолазкин, 2019: 184). Вечность становится связующей нитью повествований, но это вечность, отраженная не в глобальных исторических событиях, а в моментах (на первый взгляд, незначительных) частной жизни героев. Но эти моменты принадлежат не времени-хроносу, а времени-кайросу. Анализируя роман «Авиатор», Т. Прохорова отмечает, что для Водолазкина значимо обращение к частному опыту (в «Брисбене» это переживание героем путча через рефлексию) и обратная перспектива: «в описаниях рассказывается не о больших событиях эпохи, будь то история или культура, а о тех вещах, “которые переживаются и вспоминаются одинаково”, таких, например, как “шум дождя, ночной шелест листьев”, словом, то, что объединяет, а не разъединяет людей» (Прохорова, 2019: 227).

Наряду со временем (преимущественно временем-кайросом) важнейшим параметром информационного континуума художественного текста выступает пространство, границы которого могут находиться между определенной точкой пространства и бесконечностью. Как и временные художественные образы,

пространственные образы принадлежат исключительно художественному миру (миру вымышленному) и никогда не идентичны реальному времени и пространству, хотя и могут достаточно точно повторять модель реального мира. У Водолазкина пространственный параметр имеет различную степень семантизации, дихотомичен и может быть описан через понятия локуса и топоса. Обращаясь к семиотике художественного пространства, Ю. Лотман использует понятие *locus* (в латинском написании) и считает, что локус предполагает «твердую приуроченность героя к определенному месту» (Лотман, 1988: 253). В художественном произведении локус может одновременно выполнять и функцию топоса – места разворачивания смыслов. Ярким примером такого локуса-топоса является единица Брисбен.

О важном значении локуса Брисбен убедительно свидетельствует использование автором топонима как заголовка романа. Занимая уникальную позицию в тексте, заголовок является многофункциональным и как смысловой сгусток текста анонсирует содержание, программирует восприятие текста читателем. Водолазкин нередко выбирает для своих произведений заголовки отыменного типа. В «Брисбене» заголовок обладает определенной степенью загадочности, задерживает внимание читателя, создавая эффект остранения. Далекый австралийский город остается только в мечтах, став символом так и не сбывшегося желания.

Локус является пространственным образом и предполагает приуроченность описываемых событий к конкретному месту, отсылая читателя художественного текста к действительности. Но в Брисбене (как конкретной точке на карте мира, как единице с референтной соотносительностью с реальной действительностью) никаких действий романа не происходит. У Водолазкина локус Брисбен практически сразу становится топосом – пространственным образом, местом разворачивания художественных смыслов. Реальный австралийский город Брисбен в романе мифологизируется, становится доминирующим символом, сочетающим в себе загадку и ключ к пониманию этой загадки. В образе Брисбена воедино сплавлено представление о далеком и неизвестном месте (локусе, который не вполне четко определяется матерью героя и кажется ей «воплощением беззаботности») и времени (как мечта о том времени, когда все будет хорошо). Брисбен – это личный миф матери героя, но он обладает высоким символизмом и для самого главного героя. Не имея о месте точного представления, в его сознании «город легко присоединился к Зурбагану, Гель-Гью и Лиссу, о которых мальчик читал у Александра Грина» (Водолазкин, 2019: 19). При этом символика очень далекого, практически недосягаемого австралийского локуса не сводится исключительно к идее невозможности осуществления мечты матери героя. Напротив, ее мечта почти сбывается: она была уже на пути в желанный Брисбен, но трагически погибает по дороге в аэропорт, став жертвой таксистской мафии. Отвечая на вопрос П. Басинского, почему символом места мечты выбран Брисбен, писатель дает следующее объяснение: «Просто ей в свое время не сказали, что счастливым можно быть везде» (Басинский, 2019). Таким образом, Брисбен у Водолазкина приобретает тройственную природу: локус-топос-хронотоп. Хронотоп (в нашем понимании «кайротоп») Брисбен не только оказал прямое влияние на жанр и сюжет романа, но и стал его названием. При этом книга Водолазкина повествует совсем не о Брисбене, который так и остался ярким символом очень далекой (во времени и пространстве) мечты.

В типологическом аспекте Брисбен является гипохронотопом далекого неизвестного города с временными и пространственными амбивалентными художественными смыслами «никогда / всегда» и «нигде / везде». Роман обнаруживает систему гипохронотопов (Киев, Ленинград, Петербург, Мюнхен), принадлежащих к гиперхронотопу города и дополняющих ключевой гипохронотоп Брисбена. Важно отметить, что если перечисленные города связаны с судьбой героя, включены в его личную культурную память, то и мифологический Брисбен также становится частью его культурной памяти, но памяти воображаемой, созданной в результате его размышлений.

В соответствии с замыслом автора Брисбен относится к типу хронотопов вечности. В определенной степени это и ахронный хронотоп, в котором идея вечности возведена в абсолют и у которого отсутствуют точно описанные временные параметры. Находясь вне времени, указанный хронотоп погружен в вечность. При этом его ахронность сочетается и с атопичностью (идея нахождения нигде и везде), что обеспечивает устойчивую остраненную интонацию повествователя романа. Являясь современником протагониста, рассказчик не помещен в реалии действительности, он также ахронотопичен. Нельзя не согласиться с А. Маглий, которая назвала художественное творчество Водолазкина «точкой внеаходимости» в современной литературной словесности (Маглий, 2016а: 18-19). В рассматриваемом романе такой точкой внеаходимости и стал Брисбен.

Польский критик Б. Витович обращает внимание на очевидную разницу между произведениями Водолазкина и русских постмодернистов и отмечает, что отличие, прежде всего, заключается в обязательном обращении автора к духовности главного персонажа и в апофеозе человечности (цит. по: Tyszkowska-Kasprzak, 2017: 1627). Именно поэтому из трех используемых Водолазкинскими типов хронотопа (циклического, линейного и вечности), выделенными авторами настоящей работы, у автора регулярно представлен именно последний.

Хронотоп вечности в полной мере реализован автором и в романе «Лавр». Так, «в глазах китайских читателей судьба Арсения – это процесс познания и постижения дао и, в конце концов, слияния с ним» (Сунь, 2014: 14). В «Брисбене» также представлено философское осмысление категории вечности, которая трактуется с позиций Мефодия и отца Петра. Вечность – это отсутствие времени, а значит и отсутствие смерти, и, в конечном счете это Бог (Водолазкин, 2019: 172). В «Лавре» время являет собой иллюзию, представление об «одномоментном существовании событий прошлого, настоящего и будущего, возможность перемещаться по времени как по пространству и предвидеть события, которые ещё только должны случиться, время – средство прийти к Богу, за чертой физического бытия время будет отменено» (Кротова, 2017: 101), а в «Брисбене» годы для юного Глеба Яновского словно прилетали из космоса, были безродными и непредсказуемыми (Водолазкин, 2019: 109). Такое чувство времени и отсчет лет продолжались у героя-подростка до того момента, пока он не обнаружил связь времени с началом учебного года.

Осуществление мечты о Брисбене, как реализация и других желаний героев также обнаруживают определенное сходство с античной трагедией. Ярким примером становится сюжет о том, как бездетные супруги обретают дочь Веру, которой суждено

умереть от тяжелой болезни. Символика некоторых имен в романе прозрачна. Роман о главном герое (роман в романе) пишет Нестор, и именно это имя подводит Яновского к мысли, что ему стоит дать разрешение на написание романа о нем, а Веру Яновский с женой обретают, когда оставили надежду иметь своих детей. Обстоятельства таковы, что у них нет прав, как на девочку, так и на веру в излечение Яновского, и им в итоге суждено потерять девочку и веру в лучший исход судьбы.

Хронотопическая система, представленная в художественных текстах Водолазкина, манифестируется различными средствами и приемами. Одним из которых является уникальный авторский язык. Так, М. Кронгауз считает, что в «Лавре» происходит не стилизация (что является традиционным мнением в отношении текста романа), а «создание языка, подобно платоновскому» (Шайтанов, Алехин, Кронгауз и др., 2015: 116). В текстах «Соловьева и Ларионова» и в «Авиатора» лингвокреация не столь эксплицитна, как в более позднем «Лавре», но и в указанных романах создание авторского языка обеспечивается вкраплениями в текст языковых элементов другой эпохи. В «Брисбене» лингвокреация происходит с использованием материала другого языка. Прежде всего отметим изобилие цитат на украинском языке. В ряде случаев текст романа практически билингвален. Наряду с украинским в тексте также представлены немецкие и английские языковые включения.

С лингвистической точки зрения другой особенностью текста «Брисбена» является широкое использование автором подязыка музыки, что связано с профессией главного героя. Большое место отведено сценам учебы Яновского в музыкальной школе, его деятельности музыканта-виртуоза. Организованный как жизнеописание музыканта, текст пронизан музыкальными отсылками и терминами. Чувства, эмоции, действия героев романа характеризуются через развернутые музыкальные метафоры. Все это определяет музыкальность языка повествования, сообщая ему особое мелодичное звучание. В рецензии на роман «Брисбен» Г. Юзефович пишет, что автор демонстрирует стилистический диапазон в три октавы – «от возвышенного пафоса и героики до мягкой иронии», и, наконец, заоблачная композиционная – а не сюжетная – гармоничность романа, делают любые претензии не то, чтобы несостоятельными, но какими-то ненужными» (Юзефович, 2018). Примечательно, что в романе используется регулярная развернутая метафора: время для главного героя как тремоло (многократное повторение звука или звуков), оно ровное и поглощает ноты так же, как время – события (Водолазкин, 2019: 109). При этом автор паронимически сближает в тексте тремоло (виртуозно используемый героем прием игры на гитаре) и тремор руки (симптом тяжелого неизлечимого заболевания героя). Опираясь на теорию Бахтина, рассматриваемый художественный текст может быть определен музыкальным термином полифонии.

Выбор ключевого хронотопа в каждом романе связан у писателя с типом героя: в «Лавре» – это святой; в «Авиаторе» – свидетель эпохи (Зыховская, Павлова, 2018: 121); в «Соловьеве и Ларионове» Соловьев – обычный человек, а Ларионов – загадочный герой; в «Брисбене» – музыкальный гений. При этом каждый из героев демонстрирует свое собственное отношение ко времени. Отметим, что для раскрытия темы времени автор нередко ироничен. Например, Соловьев «испытывал отцовское чувство историка, усыновляющего чужое время» (Водолазкин, 2014: 87). Общим для всех романов

является «смена стилей и авторская ирония» (Трофимова, 2016: 18).

Осмысление времени и жизни через смерть, повторяемость событий, символизирующих переход (движение) от смерти к воскресению и обратно характерно как для героев «Лавра» (Махихина, Сидорова, 2017: 174), так и других романов писателя. В «Брисбене» движение повествования происходит в горизонтальных (пространственных) и вертикальных (временных) координатах. Переходы героя совершаются очень быстро по воли повествователя Нестора. Настоящее время становится «взглядом из вечности», сходно тому, как это было в «Лавре» (Нургалева, 2017: 41). При этом автор не воссоздает культурный контекст, соответствующий времени повествования, а имитирует некий условный контекст (Сорокина, 2014: 47). Слово, записанное в дневнике героем «Брисбена», как и в «Лавре», всесильно и обретает власть не только над пространством, но и над временем: «письмо – синекдоха бытия, фактор экзистенциального расширения “я”» (Кучина, Ахапкина, 2016: 106). Но если повествование «Лавра» не предполагает иерархичности смыслов, «разные контексты вводятся в роман несистемно, произвольно» (Неклюдова, 2015: 128), то в «Авиаторе» и «Брисбене» обнаруживается строгая, датированная организация нарратива. Но организация нелинейная, дискретная, многомерная.

Для романов Водолазкина характерно нелинейное развертывание нарратива. В «Соловьеве и Ларионове» повествовательные линии переплетаются, обнимая друг друга, в «Лавре» время «обладает категорией перспективы, то есть будущее не скрыто от настоящего, а может быть явлено некоторым героям в видениях» (Подрезова, Харлашкин, 2018: 137). А в «Авиаторе» и «Брисбене» прослеживается свободное перемещение между дневниковыми записями и планом настоящего, причем герои этих романов продолжают вести дневники фактически на смертном одре, что не согласуется с общей реалистичностью романов. Релятивистское отношение к истории как хроносу является общей чертой «Авиатора» и «Лавра»: в «Авиаторе» на вопрос, кто такой Зарецкий – злодей или инструмент справедливости и т.д., протагонист отвечает «в ключе абсолютного релятивизма: относительно добро и зло, относительно ответственность человека за его поступки, относительно великое и малое, относительно линейность истории» (Франк, 2017: 179-180). В «Брисбене» в Киеве после известных событий 2014 года герой ощущает конец истории, реализующийся для него через градационный ряд: «Крешатик, плетень, катапульта» (Водолазкин, 2019: 356). Но на этом фоне возникают какие-то внеисторические, архетипические дед и баба, и герой чувствует, что эти «двое – настоящие, от них исходит тепло» (Там же). И хронос сменяется в «Брисбене» кайросом.

Закольцованность и цикличность повествования – бесспорные приметы романов Водолазкина: в «Авиаторе» двойники (Иннокентий и Зарецкий), возникающие в двух временных слоях, создают эффект «вневременности и бесконечности» (Чернышова, 2018: 139); в «Брисбене» и «Соловьеве и Ларионове» – два временных пласта повествования, между которыми обнаруживаются очевидные аналогии.

Романный нарратив у писателя организуется взаимодействием двух типов событийных цепочек, каждый из которых (внешне- и внутреннесобытийный) предполагает «рефигурирующее» читательское внимание (Гримова, 2017: 49). При этом переплетения событийных цепочек в «Брисбене» не позволяют провести

параллель между теми событиями, которые происходят в 2010-х и 1970-80-х годах. Соседство событий на страницах романа не детерминировано. Можно провести ещё одну аналогию между романами «Соловьев и Ларионов» и «Брисбен». Герои данных романов относятся ко времени с щепетильностью. В «Соловьеве и Ларионове» находим: «В этих данных не было места для приблизительных обозначений вроде после обеда, в первой половине дня или около полуночи. 13:31, 14:09, 15:27 – и только. Эти растрепанные края времени, неприглаженные, как само бытие, обладали особым рода красотой – красотой истинности» (Водолазкин, 2014: 35). В «Брисбене» герой аналогично относится к деталям своей жизни.

Время воспринимается главным героем «Брисбена» синестетически, так, с запахом дешевого вина соединились отцовские слезы и первые уроки музыки. Интересное наблюдение о синестезии в текстах Водолазкина делает А. Курносова. Исследователь пишет о «сенсорных отпечатках» в «Авиаторе», которые в прустовском смысле вызывают цепочку реакций: «В романе Е. Водолазкина “Авиатор” архетипически устойчивы в потоке памяти не имена современников, реалии быта, нюансы идеологии, но запахи, звуки и образы – те или иные сенсорные “отпечатки”. Содержание “кванта памяти” весьма переменчиво (меняться могут пространство, календарные подробности, участники события), но в устойчивый узор складываются сенсорные реакции» (Курносова, 2019: 15). Сходный пример синестезии представлен и в «Брисбене». Эта чувствительность к цветам, запахам и звукам – «Запах только что поглаженной школьной формы – коричневой, с кинжальными стрелками на брюках. Цвет и стрелки были тем, что, казалось Глебу, рождало этот запах» (Водолазкин, 2019: 15) – позволит герою в будущем сохранять память, насколько это возможно. «Музыкальность» романа проявляется и в том, что герой гипостазировывает объекты. Например, скольжение ногтей по струне *ми* – это воплощенное плотское желание и т.д. (Водолазкин, 2019: 104). Повышенная «семиотичность предметов» (Гримова, 2017: 51) свойственна всем произведениям автора. Интересен пример из «Соловьева и Ларионова», когда перстень с камеей библиотекаря связывается в ассоциативной памяти героя с мировой культурой на протяжении всего произведения: «звук приобрел чрезвычайную изысканность, почти элитарность. Впоследствии он квалифицировал его как первый робкий стук мировой культуры в его душу» (Водолазкин, 2014: 19).

Для героя воспоминания – это надежда на сохранение самости перед лицом наступающей немощи. Так, стареющий генерал в «Соловьеве и Ларионове» «на случай возможного отсутствия будущего продлевал свою жизнь многократным переживанием прошлого» (Водолазкин, 2014: 73). Болезнь героя, как и в «Авиаторе», становится испытанием его духовных сил, побуждает пересмотреть ценностные приоритеты, подвести итоги (ср. Трубецкова, 2016: 1039). Очевидные аналогии обнаруживаются и между повествованиями «Авиатора» и «Брисбена». Так, автор уходит от определенности финала – мы не видим смерти героя: «Реальное развитие событий в данном случае могло бы только повредить общему впечатлению и общему смыслу» (Гордович, 2018: 18).

Для осуществления само- и психоанализа «автору требуется такое хранилище фактов, впечатлений, желаний и переживаний, которое в постмодерне именуется архивом <...> Анализирующий автор в этом процессе выступает в трех ролях: как

“следователь”, то есть дознаватель-аналитик, как “толмач”, то есть посредник-переводчик-интерпретатор, и как “протоколист”, являющийся свидетелем-хронистом, подобно автору средневековых летописей и хроник» (Полтавцева, 2018: 5). Такая игра с авторскими стратегиями – неперемнная часть не только творческого замысла, но и важное условие создания текста.

Анализ хронотопов, представленных в романах Е. Водолазкина, и, прежде всего, в одном из последних романов автора – «Брисбене» позволяет сделать вывод о том, что хронотопы в произведениях известного российского писателя тяготеют к мифотворчеству, цикличности. При этом время в художественных текстах не образует сюжетности, а повествование устремлено к вневременным ценностям, когда круг времени замкнут и равен вечности (как в романе «Лавр»). Хронотопические описания и постоянное обращение к теме воспоминаний дополняют образы героев произведений. При этом необходимо отметить, что Водолазкин использует в своих текстах как «классические» хронотопы (например, хронотоп города, представленный в гипер- и гиповариантах), а также и особый хронотоп – хронотоп вечности, предполагающий отсутствие времени или переход времени-хроноса во время-кайрос, а также конкретного пространства (ахронный и атопичный хронотоп, хронотоп-оксюморон) и играющий важную роль в отношении сюжета и жанра художественного текста, напрямую связанный с творческой концепцией автора и во многом определяющий уникальность его стиля и наррации.

REFERENCES

- Basinskij, P. (2019). Tropiki ee mechty. Evgenij Vodolazkin vypustil novyj roman. *Rossijskaja gazeta*, 22 (7780), 31 janvarja 2019. <https://rg.ru/2019/01/31/evgenij-vodolazkin-vypustil-novyj-roman.html>
- Bahtin, M.M. (1975). Formy vremeni i hronotopa v romane. Oчерki po istoricheskoj pojetike, *Bahtin M. M. Voprosy literatury i jestetiki*. M.: Hudozhestvennaja literatura, 234-407.
- Bochkina, M.V. (2017). Raspad svjazi vremen i ego preodolenie v romanah «Pis'movnik» M. Shishkina, «Lestnica Jakova» L. Ulickoj i «Aviator» E. Vodolazkina. *Litera*, 4, 87- 93. DOI: 10.25136/2409-8698.2017.4.24810 https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=24810
- Chernyshova, T.L. (2018). Ponjatie al'ternativy v sovremennoj russkoj proze (na primere romanov Evgenija Vodolazkina «Aviator», «Lavr», Guzeli Jahinoj «Zulejha otkryvaet glaza»). *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorija, pedagogika, filologija*, 24, 4, 139-143.
- Frank, S. (2017). Soloveckij tekst. Chast' 2. *Imagologija i komparativistika*, 8, 158-189.
- Gordovich, K.G. (2018). Tradicija otkrytyh finalov v sovremennoj russkoj proze. *Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta*, 6 (18), 11.
- Grimova, O.A. (2015). Narrativnaja intriga v sovremennom romane (E.G. Vodolazkin «Solov'ev i Larionov»). *Kul'turnaja zhizn' juga Rossii*, 1 (56), 60-62.
- Grimova, O.A. (2017). Osobennosti funkcionirovanija narrativnyh intrig v romane E.G. Vodolazkina «Aviator». *Novyj filologicheskij vestnik*, 4(43), 48-58.

- Juzefovich, G. (2018). Roman v tri oktavy. Recenzija na knigu E. Vodolazkina «Brisben». *Meduza*: <https://meduza.io/feature/2018/12/08/roman-v-tri-oktavy>
- Krotova, D.V. (2017). Modeli interpretacii problemy vremeni v sovremennom romane: «Lavr» E. Vodolazkina, «Miususkaja ploshhad'» M. Golubkova. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija: Russkaja filologija*, 4, 96-105.
- Kurnosova, A.A. (2019). Hronotop v romane Evgenija Vodolazkina «Aviator». *Materialy kraevoj itogovoj nauchno-prakticheskoj konferencii dlja odarennyh shkol'nikov i molodezhi «Budushhee Altaja»*, 23 s. https://xn--j1ahfl.xn--p1ai/library_kids/hronotop_v_romane_evgeniya_vodolazkina_aviator_175935.html
- Kucherskaja, M. (2018). Evgenij Vodolazkin rasskazal istoriju zhizni sovremennogo gitarista na jazyke russkoj letopisi. *Vedomosti*, 19 dekabnja 2018 <https://www.vedomosti.ru/lifestyle/articles/2018/12/20/789801-evgenii-vodolazkin>
- Kuchina, T.G., Ahapkina, D.N. (2016). «Konvertirovat' bytie v slovo»: Homoscribens v proze Evgenija Vodolazkina. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*, 22, 6, 105-108.
- Lotman, Ju.M. (1988). V shkole pojeticheskogo slova: Pushkin. Lermontov. Gogol?. M.: *Prosveshhenie*, 251-292.
- Maglij, A.D. (2016a). Vremeni net. Evgenij Vodolazkin. *Voprosy literatury*, 2, 18-33.
- Maglij, A.D. (2016b). Evgenij Vodolazkin. Dom i ostrov, ili Instrument jazyka. O ljudjah i slovah. M.: AST, 2015, 84 s. *Voprosy literatury*, 4, 388-391.
- Mahinina, N.G., Sidorova, M.M. (2016). Istoricheskoe vremja v romane E. Vodolazkina «Lavr» (k postanovke problemy). *Filologija i kul'tura*, 2 (44), 271-274.
- Mahinina N.G., Sidorova M.M. (2017). Mifologema smerti / rozhdenija v romane E. Vodolazkina «Lavr». *Filologija i kul'tura*, 2 (48), 174-178.
- Nekljudova, O.A. (2015). Karta kontekstov. Roman E. Vodolazkina «Lavr». *Voprosy literatury*, 4, 119-130.
- Nurgaleeva, D.V. (2017). Hronotop «Pskovskih» glav romana E.G. Vodolazkina «Lavr». *Cheljabinskij gumanitarij*, 4 (41), 41-45.
- Podrezova, N.N., Harlashkin, Ju.S. (2018). Semantika kladbishhenskogo hronotopa v romane E.G. Vodolazkina «Lavr». *Sibirskij filologicheskij zhurnal*, 2, 134-140.
- Poltavceva, N.G. (2018). Roman Evgenija Vodolazkina «Aviator» kak tekst postmoderna. *Sinopsis: tekst, kontekst, media*, 4 (24), 1-9.
- Prohorova, T.G. (2019). «Novaja sentimental'nost'» v romanah M. Shishkina «Pis'movnik» i E. Vodolazkina «Aviator». *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologija*, 59, 216-232.
- Shajtanov, I.O., Alehin A.D., Krongauz M.A. i dr. (2015). Bukerovskaja konferencija-2014: Horosho li sdelan sovremennij russkij roman? *Voprosy literatury*, 3, 107-133.
- Shurinova, N.S. (2016). «Mertvyj jazyk» kak sredstvo voskreshenija sub'ektivnosti «drugogo» v romane E.G. Vodolazkina «Lavr». *Novoe proshloe. The New Past*, 4, 99-109.
- Sorokina, V.V. (2014). Proza HHI veka. Opyt prochtenija. *Stephanos*, 5 (7), 41-54.
- Sun', T. (2014). Otrazhenie filosofii daosizma v romane E.G. Vodolazkina «Lavr». *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina*, 1, 4, 16-22.
- Trofimova, N.V. (2016). Tradicii drevnerusskoj literatury v romane E.G. Vodolazkina «Lavr».

- Rhema. *Rema*, 2, 7-20.
- Trubeckova, E.G. (2016). Rol' dialoga v modeli otnoshenij «vrach-pacient» v sovremennoj literature i medicine: ot paternalizma k kongenial'nosti. *Dinamika jazykovyh i kul'turnyh processov v sovremennoj Rossii*, 5, 1039-1044.
- Tyszkowska-Kasprzak, E. (2017). "Laurus" by Eugene Vodolazkin in Polish Perception. *Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки*, 10, 10, 1622-1629.
- Vodolazkin, E.G. (2019). *Brisben: roman*. M.: AST: redakcija Eleny Shubinoj.
- Vodolazkin, E. G. (2014). *Sovsem drugoe vremja: roman, povest', rasskazy*. M.: AST.
- Zerkaleva, A. (2018). «Menja politicheskie sobytija interesujut kak cunami, kotoroe mozhet oprokinut' geroja» Evgenij Vodolazkin – o svoem novom romane «Brisben», *Majdane i Srednevekov'e*. <https://meduza.io/feature/2018/11/18/menya-politicheskie-sobytiya-interesuyut-kak-tsunami-kotoroe-mozhet-oprokinut-geroya>
- Zyhovskaja, N.L., Pavlova, A.Ju. (2018). Sovremennaja literatura v poiskah novogo kul'turnogo geroja. *Kniga. Kul'tura. Obrazovanie. Innovacii "KRYM-2018". Materialy Четвертого Международного профессионального форума*, 119-124.
- Басинский, П. (2019). Тропики ее мечты. Евгений Водолазкин выпустил новый роман. *Российская газета*, 22 (7780), 31 января 2019. <https://rg.ru/2019/01/31/evgenij-vodolazkin-vypustil-novyj-roman.html>
- Бахтин, М.М. (1975). Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике, *Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики*. М.: Художественная литература, 234-407.
- Бочкина, М.В. (2017). Распад связи времен и его преодоление в романах «Письмовник» М. Шишкина, «Лестница Якова» Л. Улицкой и «Авиатор» Е. Водолазкина. *Litera*, 4, 87- 93. DOI: 10.25136/2409-8698.2017.4.24810 https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=24810
- Водолазкин, Е.Г. (2019). *Брисбен: роман*. М.: АСТ: редакция Елены Шубиной, 493 с.
- Водолазкин, Е. Г. (2014). *Совсем другое время: роман, повесть, рассказы*. М.: АСТ, 570 с.
- Гордович, К.Г. (2018). Традиция открытых финалов в современной русской прозе. *Ученые записки Новгородского государственного университета*, 6 (18), 11.
- Гримова, О.А. (2015). Нарративная интрига в современном романе (Е.Г. Водолазкин «Соловьев и Ларионов»). *Культурная жизнь юга России*, 1 (56), 60-62.
- Гримова, О.А. (2017). Особенности функционирования нарративных интриг в романе Е.Г. Водолазкина «Авиатор». *Новый филологический вестник*, 4(43), 48-58.
- Зеркалева, А. (2018). «Меня политические события интересуют как цунами, которое может опрокинуть героя» Евгений Водолазкин – о своем новом романе «Брисбен», *Майдане и Средневековье*. <https://meduza.io/feature/2018/11/18/menya-politicheskie-sobytiya-interesuyut-kak-tsunami-kotoroe-mozhet-oprokinut-geroya>
- Зыховская, Н.Л., Павлова, А.Ю. (2018). Современная литература в поисках нового культурного героя. *Kniga. Культура. Образование. Инновации "КРЫМ-2018". Материалы Четвертого Международного профессионального форума*, 119-124.
- Кротова, Д.В. (2017). Модели интерпретации проблемы времени в современном романе:

- «Лавр» Е. Водолазкина, «Миусская площадь» М. Голубкова. *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология*, 4, 96-105.
- Курносова, А.А. (2019). Хронотоп в романе Евгения Водолазкина «Авиатор». *Материалы краевой итоговой научно-практической конференции для одаренных школьников и молодежи «Будущее Алтая»*, 23 с. https://xn--j1ahfl.xn--p1ai/library_kids/hronotop_v_romane_evgeniya_vodolazkina_aviator_175935.html
- Кучерская, М. (2018). Евгений Водолазкин рассказал историю жизни современного гитариста на языке русской летописи. *Ведомости*, 19 декабря 2018 <https://www.vedomosti.ru/lifestyle/articles/2018/12/20/789801-evgenii-vodolazkin>
- Кучина, Т.Г., Ахапкина, Д.Н. (2016). «Конвертировать бытие в слово»: Homoscribens в прозе Евгения Водолазкина. *Вестник Костромского государственного университета*, 22, 6, 105-108.
- Лотман, Ю.М. (1988). *В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь*. М.: Просвещение, 251-292.
- Маглий, А.Д. (2016а). Времени нет. Евгений Водолазкин. *Вопросы литературы*, 2, 18-33.
- Маглий, А.Д. (2016б). Евгений Водолазкин. Дом и остров, или Инструмент языка. О людях и словах. М.: АСТ, 2015, 84 с. *Вопросы литературы*, 4, 388-391.
- Махинина, Н.Г., Сидорова, М.М. (2016). Историческое время в романе Е. Водолазкина «Лавр» (к постановке проблемы). *Филология и культура*, 2 (44), 271-274.
- Махинина Н.Г., Сидорова М.М. (2017). Мифологема смерти / рождения в романе Е. Водолазкина «Лавр». *Филология и культура*, 2 (48), 174-178.
- Неклюдова, О.А. (2015). Карта контекстов. Роман Е. Водолазкина «Лавр». *Вопросы литературы*, 4, 119-130.
- Нургалеева, Д.В. (2017). Хронотоп «Псковских» глав романа Е.Г. Водолазкина «Лавр». *Челябинский гуманитарий*, 4 (41), 41-45.
- Подрезова, Н.Н., Харлашкин, Ю.С. (2018). Семантика кладбищенского хронотопа в романе Е.Г. Водолазкина «Лавр». *Сибирский филологический журнал*, 2, 134-140.
- Полтавцева, Н.Г. (2018). Роман Евгения Водолазкина «Авиатор» как текст постмодерна. *Синопис: текст, контекст, медиа*, 4 (24), 1-9.
- Прохорова, Т.Г. (2019). «Новая сентиментальность» в романах М. Шишкина «Письмовник» и Е. Водолазкина «Авиатор». *Вестник Томского государственного университета. Филология*, 59, 216-232.
- Сорокина, В.В. (2014). Проза XXI века. Опыт прочтения. *Stephanos*, 5 (7), 41-54.
- Сунь, Т. (2014). Отражение философии даосизма в романе Е.Г. Водолазкина «Лавр». *Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина*, 1, 4, 16-22.
- Трофимова, Н.В. (2016). Традиции древнерусской литературы в романе Е.Г. Водолазкина «Лавр». *Rhema. Рема*, 2, 7-20.
- Трубецкова, Е.Г. (2016). Роль диалога в модели отношений «врач-пациент» в современной литературе и медицине: от патернализма к конгениальности. *Динамика языковых и культурных процессов в современной России*, 5, 1039-1044.
- Франк, С. (2017). Соловецкий текст. Часть 2. *Имагология и компаративистика*, 8, 158-189.

- Чернышова, Т.Л. (2018). Понятие альтернативы в современной русской прозе (на примере романов Евгения Водолазкина «Авиатор», «Лавр», Гузели Яхиной «Зулейха открывает глаза»). *Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология*, 24, 4, 139-143.
- Шайтанов, И.О., Алехин А.Д., Кронгауз М.А. и др. (2015). Букеровская конференция-2014: Хорошо ли сделан современный русский роман? *Вопросы литературы*, 3, 107-133.
- Шуринова, Н.С. (2016). «Мертвый язык» как средство воскрешения субъективности «другого» в романе Е.Г. Водолазкина «Лавр». *Новое прошлое. The New Past*, 4, 99-109.
- Юзефович, Г. (2018). Роман в три октавы. Рецензия на книгу Е. Водолазкина «Брисбен». *Медуза*: <https://meduza.io/feature/2018/12/08/roman-v-tri-oktavu>